У24 — Кавказ
235
Долбежев, Владимир
Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. № 344651
19.. г.

ОБЪ ОРНАМЕНТАХЪ И ФОРМАХЪ БРОНЗЪ,

находимыхъ въ доисторическомъ кладбищѣ, близъ селенія Уолла-Кобанъ (Терской области).

Интересъ къ изученію и изслѣдованіямъ древняго быта племенъ, обитавшихъ на Кавказѣ, замѣтно оживился со времени 5-го археологическаго съѣзда, бывшаго въ Тифлисѣ, въ сентябрѣ 1881 года, и привлекшаго не только выдающіяся русскія ученыя силы, но и западно-европейскія. Изслѣдованія эти производились частью въ засѣданіяхъ съѣзда, а въ послѣднее время появилось нѣсколько сочиненій, между которыми „Das Graeberfeld von Koban" *) профессора Вирхова занимаетъ самое видное мѣсто. Оно снабжено прекраснымъ атласомъ, въ которомъ собраны типичныя особенности формъ и орнаментики древнихъ бронзъ, ископаемыхъ близъ сел. Верхній Кобанъ, Терской области, въ Осетинскомъ округѣ, верстахъ въ 30 отъ Владикавказа. Трудъ пр. Вирхова содержитъ весьма подробное изслѣдованіе бронзъ, сравнительно съ другими находками этого рода въ иныхъ мѣстахъ земнаго шара. Въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ, я лично производилъ много разъ раскопки въ предѣлахъ этого доисторическаго кладбища, а въ бытность г-на Вирхова на Кавказѣ, незадолго до 5-го археологическаго съѣзда, посѣтилъ это кладбище вмѣстѣ съ нимъ,

*) D. Graeberf. v. Koban. Eine verleichend archäologische Studie von Rudolph Virchow. Berlin, 1883.

Н

гдѣ мы раскопали нѣсколько могилъ. Пользуясь указаніями знаменитаго ученаго и тою массою научныхъ свѣдѣній, которыя собраны въ его сочиненіи, я рѣшился изложить свои мысли о самобытномъ, до извѣстной степени, развитіи искусства отливки и орнаментики древнихъ бронзъ этого кладбища. Свои выводы я заключаю попыткой опредѣлить эпоху, при чемъ привожу тѣ новыя свѣдѣнія объ этомъ кладбищѣ, которыя мнѣ удалось собрать въ послѣдующіе, послѣ 5-го археологическаго съѣзда, годы путемъ новыхъ раскопокъ и наблюденій.

Горы Кавказа представляютъ такія богатыя хранилища слѣдовъ доисторической культуры края, что неудивительно появленіе обильнаго и разнообразнаго матеріала, пригоднаго для изслѣдованій этнографическихъ, антропологическихъ и археологическихъ. Многое изъ этого матеріала было выставлено, во время 5-го археологическаго съѣзда, въ залахъ бывшаго дворца Кавказскаго намѣстника, а также и въ Кавказскомъ музеѣ. Къ сожалѣнію, матеріалъ этотъ еще весьма мало изслѣдованъ и разработанъ, хотя и добытъ онъ въ достаточномъ количествѣ-но, по большей части, случайно, и ожидаетъ научнаго и система, тическаго опредѣленія. Отсюда понятенъ тотъ глубокій и живой интересъ, который охватилъ ученый міръ, стремящійся изучить все, сохраненное намъ тайниками нашихъ горъ, въ теченіе многихъ вѣковъ и тысячелѣтій.

Хотя на выставкѣ археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ не было недостатка въ орудіяхъ каменнаго періода Кавказа, сравнительно съ другими мѣстами, гдѣ они открыты, но масса и разнообразіе слѣдовъ позднѣйшаго періода бронзовыхъ орудій, едва-ли не превосходитъ все, что до сего времени найдено въ этомъ родѣ въ предѣлахъ обширной нашей Имперіи.

Къ сожалѣнію, нельзя не признать, что нѣтъ почти связи между различными находками бронзоваго періода, которыя можно было бы съ достаточнымъ основаніемъ отнести къ той или другой группѣ отдѣльно находимыхъ предметовъ. Почти

нѣтъ сколько-нибудь несомнѣнно фактическихъ данныхъ, что тѣ и другіе предметы свидѣтельствуютъ объ исторической дѣятельности того или иного народа, скудныя свѣдѣнія о которомъ дошли до насъ часто только путемъ миѳовъ, легендъ и преданій; почти нѣтъ хронологической точки опоры, отъ которой могли бы исходить съ достовѣрностью опредѣленія эпохи существованія тѣхъ или другихъ народовъ сѣдой старины Кавказа, ввѣрившихъ столь разнообразную память о себѣ землѣ и могильнымъ сооруженіямъ. Другихъ историческихъ памятниковъ первоначальнаго заселенія Кавказа народами весьма мало, и все, что мы знаемъ объ этомъ, выходитъ, по большей части, изъ древнихъ кладбищъ, давно сравнявшихся съ землею и изъ тѣхъ, сравнительно немногихъ, могильныхъ сооруженій, которыя даютъ намъ возможность судить о давно минувшемъ нашего Кавказа.

Между ископаемыми, и отчасти изслѣдованными, кавказскими бронзами различныхъ кладбищъ и эпохъ, видное мѣсто какъ по древности, такъ по обилію и оригинальности формъ, занимаютъ бронзы, добытыя въ Терской области, близъ сел. Верхній Кобанъ, верстахъ въ 30 къ юго-западу отъ Владикавказа. Ученые, посѣтившіе это доисторическое кладбище и производившіе тамъ раскопки, гг. Филимоновъ, Антоновичъ, Вирховъ, Шантръ и другіе, подтверждаютъ выше-сказанное. Кромѣ того, г. Вирховъ находитъ, по своимъ краніологическимъ изслѣдованіямъ, что черепа народа, похороненнаго съ бронзами въ нижнихъ слояхъ этого кладбища, не принадлежатъ ни къ одной изъ сосѣднихъ расъ нынѣшняго населенія. Нашъ же маститый археологъ, нынѣ покойный, графъ Уваровъ, во время съѣзда въ Тифлисѣ, заявилъ, что онъ полагаетъ, вслѣдствіе отсутствія въ кобанскихъ могилахъ золотыхъ вещицъ, встрѣчающихся въ другихъ сосѣднихъ древнихъ кладбищахъ Кавказа и вслѣдствіе найденныхъ кое-гдѣ остатковъ каменныхъ орудій, что бронзы этого кладбища принад-

лежатъ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ сосѣднія, напримѣръ въ Камунтѣ, Самтавро и др. Вотъ почти все, въ чемъ выразились научныя опредѣленія о происхожденіи и эпохѣ кобанскаго кладбища, восходящей, быть можетъ, за двѣ, за три и болѣе тысячъ лѣтъ до нашего времени, и современной знаменитой въ древности, легендарной Троѣ. Но, можетъ статься, эта эпоха еще и древнѣе, такъ какъ раскопки, дѣятельно производящіяся на мѣстѣ древней Трои г-мъ Шлиманомъ, обнаружили много уже искусно отлитыхъ предметовъ изъ золота, орнаментировка и отдѣлка которыхъ гораздо изящнѣе отливки и орнаментировки массивныхъ кобанскихъ бронзъ: послѣднія являются въ формѣ весьма еще грубой и первобытной.

Изслѣдованія этого кладбища дали слѣдующіе результаты:

Раскопки во многихъ мѣстахъ обнаружили обширное кладбище, существованіе котораго случайно открыто, 22 года тому назадъ, Алдаромъ Хабошемъ Кануковымъ. Кладбище расположено по восточному скату, понижающемуся къ ручью Кобандонъ, близъ нынѣшняго аула Верхній Кобанъ.

Могилы вырыты первоначально, по всему вѣроятію, на глубинѣ до 4-хъ аршинъ въ скатѣ, въ глиняномъ грунтѣ съ мелкимъ известнякомъ, и представляютъ этажи. Прежде чѣмъ раскапывающіе могли дойти до твердаго, нетронутаго слоя почвы, служившаго дномъ нижней могилы, они часто встрѣчали одну могилу подъ другой, числомъ до 4-хъ, въ равномъ почти разстояніи одна отъ другой. При переходѣ отъ верхняго этажа могилъ къ нижнему, обрисовываются два преобладающихъ типа череповъ, а именно: въ 2-хъ верхнихъ этажахъ замѣтенъ, но весьма слабо, типъ плоскоголовый съ уширеніемъ назадъ, а въ самыхъ нижнихъ, и поэтому древнѣйшихъ, исключительно типъ длинноголовой расы. Въ верхнихъ слояхъ, однако, большинство череповъ не имѣетъ выдающихся типичныхъ признаковъ, и ихъ нельзя отнести съ увѣренностью

къ типу плоскоголовой рассы. Въ этихъ этажахъ нѣтъ череповъ длинноголоваго типа.

Нужно замѣтить, что самыя обильныя, богатыя бронзы и глиняныя издѣлія добыты исключительно въ нижнихъ могилахъ. Верхніе этажи дали гораздо меньше находокъ.

1) Въ могилахъ 4-го нижняго яруса найдены скелеты исключительно взрослыхъ,—мужчинъ и женщинъ. Въ могилахъ послѣднихъ иногда попадались и дѣтскія кости. Въ могилахъ же 3-го яруса, или вѣрнѣе сказать, на глубинѣ 3-хъ аршинъ, чаще попадались костяки дѣтей, особенно надъ женскими могилами 4-го нижняго яруса, или же попадались костяки невполнѣ сформировавшихся субъектовъ длинноголоваго типа, хотя встрѣчались костяки и взрослыхъ.

2) Впослѣдствіи покойники погребались этажами, очевидно потому, что въ горахъ весьма мало удобной для копанія почвы, и несовершенство орудій побуждало хоронившихъ пользоваться ранѣе уже разрыхленнымъ грунтомъ въ намѣченныхъ мѣстахъ, которыя для могилы отыскивались легко по надмогильнымъ камнямъ и другимъ признакамъ. Второй этажъ, или могилы, вырытыя на глубинѣ около 2-хъ аршинъ, представляютъ смѣсь костяковъ взрослыхъ, дѣтей и невполнѣ сформировавшихся субъектовъ, между которыми костяки взрослыхъ преобладаютъ въ значительной степени. Типъ череповъ здѣсь смѣшанный, т. е. скорѣе переходный,—признаки типа длинноголовыхъ нижняго яруса исчезаютъ.

Въ верхнемъ слоѣ, т. е. на глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ и менѣе, а иногда почти подъ поверхностію земли, преобладаетъ типъ взрослыхъ субъектовъ, плоскоголовыхъ, съ уширеніемъ черепа назади.

а) Костяки нижнихъ 2-хъ этажей лежатъ на правомъ боку, съ руками, согнутыми къ лицу, лицомъ къ сѣверу, съ подогнутыми слегка голенями; положеніе-же костяковъ въ верх-

нихъ двухъ этажахъ разнообразное, иногда неестественное, иногда кости перемѣшаны такъ, что трудно усмотрѣть какое-либо преобладающее положеніе костяковъ въ этихъ слояхъ. Попадались, однако, повидимому не тронутые и не сбитые съ мѣста костяки, лежавшіе на спинѣ съ вытянутыми руками, головою то на сѣверъ, то на востокъ, то на югъ. Въ одной могилѣ, на глубинѣ 2-хъ аршинъ, я однажды нашелъ 11-ть скелетовъ, лежавшихъ вплотную, въ разныхъ направленіяхъ, одинъ на другомъ. Можетъ быть, одиннадцать труповъ были похоронены одновременно и безпорядочно свалены въ одну могилу; можетъ быть, это были павшіе въ бою враги, или умершіе въ скоромъ времени, другъ послѣ друга, отъ какой-нибудь эпидеміи. Черепа этихъ скелетовъ имѣли кругловатую форму и не могли принадлежать ни къ типу длинноголовыхъ, ни къ типу плоскоголовыхъ.

б) Эти наблюденія произведены болѣе чѣмъ надъ 500 могилами, вскрытыми въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, и потому имѣютъ за собою нѣкоторую основательность. Конечно, здѣсь разумѣются только тѣ могилы, которыя сохранились не тронутыми и не поврежденными водою, стекающею по склону и обнаружившею мѣстами могилы даже нижняго слоя, путемъ постепеннаго смыванія, выщелачиванія и осажденія почвы. Въ полномъ порядкѣ оказались могилы не у самой рѣки, внизу ската, а на незначительной высотѣ, гдѣ скатъ, образуя небольшіе уступы, могъ своею формою долѣе противостоять дѣйствію стекающей и просачивающейся по всему склону влаги.

Обратимся къ бронзамъ.

Въ могилахъ, на глубинѣ $1^1/_2$ аршинъ, составляющихъ первый этажъ, попадаются изрѣдка бронзы, въ видѣ простыхъ колецъ, безъ орнаментики, иногда фибулы (броши) и рѣдко остатки желѣзныхъ орудій, въ видѣ ножей. Въ могилахъ нижнихъ слоевъ, не всегда представляющихъ три этажа, а ино-

гда два и даже одинъ, встрѣчаются бронзы въ изобиліи, особенно въ двухъ нижнихъ слояхъ, или на глубинѣ отъ 2-хъ до 4-хъ аршинъ. Нетрудно различить могилы женскія, мужскія и дѣтскія—мальчика или дѣвочки—по тѣмъ бронзамъ, которыя находятъ въ нихъ. Могила мужчины и, конечно, воина содержитъ всегда или кинжалъ, или боевой топорикъ, часто то и другое вмѣстѣ,—рѣже наконечникъ булавы, наконечники копій, стрѣлъ, неширокій, массивный, поясной крюкъ, массивные ножные и ручные браслеты, большія фибулы, числомъ 2 или 3, точильный камень съ отверстіемъ (безъ сомнѣнія, для подвѣшиванія къ поясу), крупныя выпуклыя пуговицы, украшенія изъ витой проволоки и листовой бронзы,—всѣ эти предметы отлиты или выкованы изъ бронзы. Кромѣ того, находятъ сердаликовыя, стекляныя, глиняныя, известняковыя и бронзовыя бусы, массивныя и тонкія бронзовыя гривны, изображенія человѣка, фигуры звѣрей и птицъ или головъ ихъ, иногда въ фантастическихъ формахъ. Естественный видъ, къ которому относятся эти изображенія, нетрудно бываетъ узнать, исключая птицъ. Кромѣ того, встрѣчаются серьги, въ видѣ завитковъ изъ расширяющихся къ концамъ бронзовыхъ пластинокъ, застежки, вѣроятно, къ ремнямъ, съ рожками и дырочками, а иногда въ первобытной формѣ пряжекъ—неполнаго кольца съ язычкомъ; большія булавки и шилья—иглы съ дырою, нѣсколько отстоящею отъ концовъ, массивные перстни, кабаньи клыки, конскія удила, цѣпочки, бляхи. Всѣ эти предметы, исключая бусъ и кабаньихъ бивней, отлиты изъ бронзы или выкованы. Паять древніе кобанцы,очевидно, не умѣли.

Въ женскихъ могилахъ находятся почти тѣ-же украшенія и принадлежности, но нѣтъ оружія и удилъ; фибулы-же, иглы и булавки не столь массивны и велики. Возлѣ череповъ встрѣчается много пуговицъ изъ гнутой листовой бронзы, отлитыхъ или выкованныхъ весьма тонко, въ видѣ полыхъ

полушарій, а также больше мелкихъ украшеній, въ видѣ спиральныхъ завитковъ изъ весьма тонкой, иногда круглой, иногда ребристой, иногда плоской бронзовой проволоки. Эти предметы попадались совсѣмъ окислившимися и спекшимися съ окружавшей ихъ глиной, вслѣдствіе чего они не разсыпались, по истлѣніи связывавшихъ или прикрѣплявшихъ ихъ нитей и ремешковъ, а сохранили расположеніе, въ которомъ вошли въ могилу, и представляютъ кисточки, которыми, вѣроятно, обвѣшивался головной уборъ. Спиральные браслеты, формою своею весьма схожіе съ нынѣшними золотыми браслетами дамъ, отличаются массивностью, и носились древними кобанскими дамами иногда по два браслета на каждой рукѣ, при чемъ верхній браслетъ носился, вѣроятно, у самаго плеча, взбѣгая на него расширяющимися своими завитками, а второй—у кисти руки. Эти спирали оканчиваются красивыми завитками, весьма похожими на современные. Самая-же характеристичная особенность принадлежностей женскаго туалета состояла изъ двухъ, приколотыхъ на груди, косо скрещенныхъ, очень большихъ булавокъ, верхніе концы которыхъ расширялись въ видѣ лопаты величиною въ ладонь и переходили въ тонкій листъ гладко отпалированной бронзы. Лопатообразные концы эти служили, вѣроятно, и зеркальцами. Кромѣ того, кобанскія женщины носили поясъ очень широкій, судя по пряжкамъ, разнообразно орнаментированнымъ, иногда до 4 верш. ширины. Пояса эти были сдѣланы, вѣроятно, изъ листовой, съ каемками, бронзы, были и кожаные или шерстяные. Предполагаю послѣднее потому, что въ нѣкоторыхъ женскихъ могилахъ, при широкихъ пряжкахъ, не найдено бронзовыхъ поясовъ, или остатковъ ихъ, между тѣмъ въ пряжкахъ имѣется по краю, противоположному крючку, рядъ дыръ, предназначенныхъ, по всему вѣроятію, для пришиванія какой-либо матеріи или кожи.

Въ женскихъ могилахъ найдено гораздо больше, сравни-

тельно съ мужскими и дѣтскими могилами, перстней и бусъ; попадались и рѣзцы медвѣдя и волка, просверленные для ношенія съ бусами на шеѣ. Впрочемъ, эти зубы попадались и въ мужскихъ и въ дѣтскихъ могилахъ.

Бронзы дѣтсткихъ могилъ отличаются миніатюрностью издѣлій, зарытыхъ съ несформировавшимся костякомъ. Браслеты попадаются гораздо меньшихъ размѣровъ, немассивные, весьма рѣдко спиральные. Грудныхъ, лопатообразныхъ булавокъ почти не найдено; побрякушки головнаго убора проще, но за то чаще находится въ этихъ могилахъ родъ колокольчиковъ, или погремушекъ, и бубенчиковъ, иногда ажурныхъ, бараньи бабки (альчики), продырявленныя, а изъ бронзы также и звѣриныя и птичьи головки, застежки, небольшія поясныя пряжки, маленькія, иногда крохотныя, фибулки, колечки и т. п. Могилы мальчиковъ и дѣвочекъ, по предметамъ, найденнымъ въ нихъ, представляютъ слѣдующее отличіе: въ первыхъ миніатюрные топорики и кинжалы, а во вторыхъ, гдѣ не было спиральныхъ браслетовъ или лопатообразныхъ булавокъ, встрѣчается болѣе широкая поясная пряжка, при обиліи головныхъ украшеній въ видѣ пуговицъ, мелкихъ спиралей и трубочекъ. Въ нихъ попадалось также больше бусъ.

Всѣ эти бронзы замѣчательны тѣмъ, что по формѣ и виду составляютъ весьма оригинальный типъ, который, кажется, можно принять за самобытно-возникшій и развившійся: эти бронзы до настоящаго времени считаются древнѣйшими въ краѣ. По другимъ сосѣднимъ кладбищамъ, и то весьма рѣдко, попадаются отдѣльные образцы, имѣющіе сходство съ позднѣйшими, болѣе изящными кобанскими формами бронзъ,—однако, это нисколько не противорѣчитъ только-что сказанному, такъ какъ отдѣльные экземпляры кобанскихъ бронзъ могли быть занесены случайно, путемъ войнъ или сношеній, въ разныя мѣста; тамъ могли сохраниться, и со временемъ попали въ могилы позднѣйшихъ племенъ. Обрат-

наго-же явленія пока не замѣчено, т. е. между кобанскими бронзами нижнихъ слоевъ кладбища не находимъ формъ, принадлежащихъ инымъ кладбищамъ. Но о верхнемъ этажѣ кобанскихъ могилъ, гдѣ находимъ уже желѣзо, а потому принадлежащихъ къ значительно позднѣйшей эпохѣ,—этого утверждать нельзя.

Затѣмъ нельзя не замѣтить, что, напримѣръ, бронзовый боевой топорикъ того вида, размѣровъ и формы, какой находимъ въ кобанскихъ могилахъ,—рѣшительно не найденъ нигдѣ, кромѣ Кобана, гдѣ онъ является въ такомъ обиліи, разнообразіи и изяществѣ формъ, съ оригинальной орнаментикой, что самъ уже по себѣ свидѣтельствуетъ о самобытности происхожденія. (См. фиг. II). Далѣе, не отысканы еще нигдѣ лопатообразныя, огромныя булавки, (см. фиг. I) попадающіяся въ изобиліи и разновидностяхъ исключительно только въ кобанскихъ женскихъ могилахъ. Онѣ также служатъ доказательствомъ самостоятельности возникшаго и развившагося типа. Говоря, что нигдѣ еще не появлялся видъ кобанской, лопатообразной булавки, я долженъ, однако, указать на добытые въ западной Европѣ экземпляры, напоминающіе форму этихъ булавокъ. Двѣ изъ нихъ хранятся въ Берлинскомъ музеѣ *), и найдены: одна близъ Мейенбурга, въ курганной насыпи, другая, съ загнутымъ кверху острымъ крючкомъ, близъ Леммерсдорфа, въ перегноѣ, на глубинѣ 5-ти футовъ. Затѣмъ найдены въ Ганноверѣ еще три булавки. Всѣ эти находки, однако, только *напоминаютъ* форму кобанскихъ булавокъ, а на самомъ дѣлѣ, *отличаются* отъ нихъ тѣмъ, что широкій, плоскій верхній конецъ имѣетъ нѣсколько овальную, почти круглую форму диска, и носитъ орнаментику изъ параллельныхъ краямъ овала рядовъ выпуклостей и рельефныхъ ободковъ, тогда какъ

*) R. Virchow. D. Graeberf. v. Koban. Berlin 1883, Seite 34.

кобанскія булавки имѣютъ форму плоскихъ лопатъ, оканчивающихся загнутымъ въ трубочку острымъ ребромъ, не имѣютъ орнаментики, а только отпалированы очень тщательно. Къ тому-же полагаютъ, что эти виды лопатообразныхъ булавокъ, найденныхъ въ сѣв. Германіи—не по двѣ, какъ кобанскія, а только по одной, и не на груди, а возлѣ череповъ, служили принадлежностью головнаго убора, тогда какъ кобанскія, очевидно, имѣли совсѣмъ другое назначеніе. Въ послѣднее время графомъ Алексѣемъ Александровичемъ Бобринскимъ, (въ Кіевской губерніи, Черкасскаго уѣзда, въ могильномъ полѣ, изъ 400 рядомъ расположенныхъ кургановъ, а именно, въ курганѣ, обозначенномъ №×LI), найдены (см. фиг. IV) при грудныхъ костяхъ одного человѣческаго остова, сильно истлѣвшаго, двѣ большія иглы длиною 225 mm., съ верхнимъ концомъ въ видѣ косоугольнаго четыреугольника, одинъ изъ острыхъ угловъ котораго переходитъ въ иглу, начинающуюся завитками; другой-же острый уголъ обращенъ кверху, и заканчивается пластинкою, загнутою назадъ въ видѣ ушка. Діагональ, соединяющая вершины тупыхъ угловъ, равна 65 mm. На четыреугольникахъ орнаменты, отлитые рельефомъ, окаймлены въ одинъ и два ряда мелкими, выступающими на лицевую сторону, полушаріями; орнаменты, на оборотной сторонѣ иголъ, представляютъ впадины, соотвѣтственныя рельефу на лицевой. Орнаменты, кромѣ окаймленій, состоятъ изъ четырехъ выпуклыхъ полушарій, расположенныхъ по угламъ косоугольника, и соединенныхъ рядомъ мелкихъ полушарій, идущихъ линіями, параллельно краямъ косоугольника. Въ срединѣ этой фигуры помѣщена такая-же выпуклость бо̀льшаго размѣра. Эти пять большихъ выпуклостей также окаймлены рядомъ мелкихъ выпуклостей. Вмѣстѣ съ этими иглами, найдены еще и привѣски—пуговки, шилья и трубочки изъ листовой бронзы, весьма схожія съ кобанскими, съ тою лишь разницею, что и трубочки вдоль орнаменти-

рованы рядомъ мелкихъ выпуклостей. То обстоятельство, что иглы найдены при грудной клѣткѣ, какъ я находилъ кобанскія, позволяетъ предполагать сродство съ послѣдними въ томъ смыслѣ, что иглы, найденныя графомъ Бобринскимъ, могутъ представлять позднѣйшій типъ, выработавшійся изъ кобанскаго, потому что по выдѣлкѣ кобанскій типъ, очевидно, проще и безъ орнаментовъ. Онъ, въ свою очередь, по всему вѣроятію, развился, постепенно уширяясь въ верхнемъ концѣ. Такой видъ иглы также находятъ у грудныхъ костей. Игла, очевидно, служила для скалыванія на груди весьма грубой одежды. Все-же орнаментировка рядами выпуклыхъ, мелкихъ полушарій, встрѣчается на другихъ бронзахъ кобанскаго кладбища, а именно, на женскихъ поясахъ изъ листовой бронзы. Профессоромъ Самоквасовымъ *) найдены двѣ булавки, длиною около 10 вершковъ, (см. фиг. V) напоминающія кобанскія. Онѣ найдены въ курганѣ, близъ Кисловодска. Эти булавки отличаются отъ кобанскихъ лишь тѣмъ, что нижніе острые концы ихъ загнуты обратно въ видѣ крючьевъ, а верхніе, лопатообразные, загибаются назадъ и оканчиваются широкими двойными фестонами. Выгибъ ихъ великъ для того, чтобы покрывать плечо и удерживать надѣтую на крюкъ полу одежды. Кромѣ того, лопатчатая часть орнаментирована неправильными, кривыми линіями точекъ, напоминающихъ орнаментику кобанскихъ женскихъ поясовъ. Оба вида составляютъ пока единственную находку, напоминающую кобанскій видъ, и, по всему вѣроятію, сродны съ нимъ, какъ типы, развившіеся изъ кобанскаго. Упомяну здѣсь еще о томъ обстоятельствѣ, что извѣстна обширная область, въ которой подобныя булавки, съ верхнимъ концомъ въ видѣ диска, весьма распространены даже и по настоящее время,—это западная часть Южной Америки. По Георгу Мустерсу, въ Патагоніи женщины носятъ подобіе

*) Д. Самоквасовъ. Могильныя древности Пятигорскаго округа 1882. Варшава.

плащей, половины которыхъ скалываются спереди, подъ шеей, большою серебряною иглою съ широкимъ дискомъ. Иногда плащъ скалывается гвоздемъ или шипомъ, смотря потому, богата или бѣдна обладательница его. Хотя эти булавки, по виду и способу ношенія, подходятъ къ кобанскимъ, имѣя дискъ отпалированный и иногда безъ орнаментики, хотя онѣ и встрѣчаются не по двѣ, а по одной въ большомъ количествѣ при раскопкахъ древнихъ кладбищъ Ю.-З. Америки,—но значительная отдаленность мѣстонахожденій и множество географическихъ препятствій исключаютъ всякую возможнось какого-либо сродства или общности происхожденія ихъ. Вѣрнѣе, что какъ кобанскій, такъ и южно-американскій виды этихъ булавокъ возникли самостоятельно.

Разсматривая кинжалы древнихъ кобанцевъ, мы находимъ, что они невелики и хотя имѣютъ сходство съ кинжалами, часто встрѣчающимися въ другихъ кладбищахъ, и даже съ современнымъ видомъ обоюдоостраго кинжала, тѣмъ не менѣе, по устройству рукоятки и по своимъ размѣрамъ, значительно отличаются отъ нихъ.

Что касается до другихъ предметовъ, напримѣръ: витыхъ и спиральныхъ украшеній, наконечниковъ стрѣлъ и копій, кольцеобразныхъ пряжекъ, фибулъ, пуговицъ и т. п.—то всѣ эти предметы у весьма различныхъ и отдаленныхъ другъ отъ друга народовъ земнаго шара по своему виду аналогичны, и не представляютъ существеннаго различія. Сходны также между собою у различныхъ народовъ и подражанія природѣ, такъ напримѣръ: подражаніе головамъ, формамъ звѣрей и птицъ окружающей фауны. Но нельзя не замѣтить здѣсь, что отлитыя изъ бронзы звѣриныя головки, фигуры звѣрей и домашнихъ животныхъ, найденныя при костякахъ въ нижнихъ слояхъ кобанскаго кладбища, носятъ оригинальный, фантастическій характеръ, именно: головки тура, барана, оленя чрезмѣрно тонки, съ неестественно удлиненными носовыми частями,

а рога часто непропорціонально велики и выведены слишкомъ вычурными и симметричными завитками.

Наконецъ, весьма замѣчательно и то обстоятельство, что рѣшительно нигдѣ въ кобанскихъ могилахъ не найдено ни индійской *свастики*, столь распространенной почти повсюду въ доисторическое время, ни *меча*, или подобія его, хотя бы въ видѣ какой-либо переходной формы удлиненнаго кинжала, между тѣмъ какъ это оружіе отыскивается повсюду у доисторическихъ народовъ, ознакомившихся съ обработкою металла. Въ иныхъ мѣстахъ добыты даже мечи изъ оленьяго рога, относящіеся къ концу каменнаго или къ началу бронзоваго періода. Все это свидѣтельствуетъ о какой-то замкнутости, самобытности эпохи, къ которой относятся кобанскія бронзы. Не имѣя никакихъ ясныхъ слѣдовъ сношеній народа этой эпохи съ сосѣдями и принявъ во вниманіе исключительность формы длинноголовыхъ череповъ,—нельзя не признать за древнимъ кобанскимъ народомъ оригинальнаго, самобытнаго существованія, свободнаго отъ вліянія какой-либо культуры извнѣ. Это пока можно объяснить только глубокою древностію эпохи, а самое племя доисторическихъ кобанцевъ длинноголоваго типа, не имѣющаго ничего общаго съ сосѣдними расами,—за элементъ пришлый издалека, при чемъ передвиженіе его совершилось въ глубокой древности.

Орнаментика.

Обращаясь къ орнаментикѣ кобанскихъ бронзъ, можно замѣтить въ нижнихъ слояхъ, ближайшихъ къ ручью могилъ, преобладаніе самыхъ грубыхъ, безъискусственныхъ формъ ковки и отливки, чаще всего покрытыхъ примитивными черточками и точками, что особенно видно на глиняной посудѣ и находимыхъ осколкахъ ея, вмѣстѣ съ бронзами также весьма грубой выдѣлки. Болѣе совершенныя формы съ изящной орнамен-

тикой чаще попадались въ могилахъ, расположенныхъ выше по скату.

Волнообразная линія и мэандрики на глиняной посудѣ появляются нерѣдко съ изображеніемъ змѣй, которымъ обильно украшены топорики. Во всѣхъ могилахъ въ большомъ количествѣ найденныхъ фибулъ, весьма замѣтно постепенное усовершенствованіе какъ самой отливки, такъ и чаще всего встрѣчающагося на нихъ изображенія змѣиной чешуи. Изображенія змѣиной чешуи и головки змѣи представляютъ также различныя степени усовершенствованія орнаментики на топорикахъ, на фибулахъ, на одномъ, иногда на обоихъ концахъ кольцеобразныхъ браслетовъ и гривенъ, отлитыхъ изъ массивной бронзы, или сдѣланныхъ изъ пластинокъ съ закругленными ребрами, или просто изъ проволоки. Такъ, напримѣръ: на однихъ чешуя представлена врѣзными прямыми черточками, образующими острые углы, или только зигзаги, болѣе или менѣе отчетливо и ясно. Головка змѣи представлена тѣмъже способомъ, но по формѣ напоминаетъ острые стрѣлы: она изображена въ видѣ остроугольнаго треугольника, вершина котораго изображаетъ носовую часть змѣиной головки съ жаломъ, а къ основанію треугольника примыкаетъ шея змѣи, при чемъ прилегающіе къ основанію углы нѣсколько выступаютъ вершинами своими по бокамъ шеи, въ видѣ острыхъ ушей, и, въ свою очередь, напоминаютъ боковыя противокрючья плоскаго наконечника стрѣлы. Глаза змѣи изображены углубленіями или концетрическими кружками съ точкою въ центрѣ. На другихъ предметахъ, отлитыхъ гораздо тщательнѣе, особенно на фибулахъ, на которыхъ брюшное утолщеніе тѣла змѣи изображено весьма пропорціонально и постепенно, чешуйки вырѣзаны полуовальными или полукруглыми фестонами, въ строгомъ порядкѣ, крупнѣе на серединѣ тѣла змѣи и мельче къ хвосту и головѣ. На шейкѣ такого изображенія змѣи иногда исчезаетъ чешуя, а изображены кольцеобразныя,

фантастическія украшенія въ видѣ ожерелій; головка-же на расширенномъ концѣ фибулъ иногда теряется, переходя въ плоскій крюкъ, а иногда сама и часть шейки загнута обратно и составляетъ самый крюкъ, на концѣ котораго снова изображена, хотя плоско и нѣсколько расплывшеюся, но довольно отчетливо, съ выпученными глазами и нѣсколько возвышающимися ноздрями, при чемъ очерчена и линія пасти. Тоже самое видимъ и на кольцеобразныхъ браслетахъ и плоскихъ перстняхъ.

Боевой топорикъ (см. фиг. II) находимъ отъ грубо отлитаго, совершенно прямого, тяжелаго вида, съ гладкими боками, безъ орнаментики до вида, найденнаго въ нижнихъ слояхъ могилъ, расположенныхъ выше по скату, занимаемому кладбищемъ, топорика легкой, красивой формы, съ углубленными и выпуклыми окаймленіями, или бороздками, расходящимися, уширяющимися, съуживающимися, сведенными и законченными съ большимъ вкусомъ, строгой соразмѣрностію и правильностію. Фоны на нихъ отдѣланы тонко и весьма изящно и орнаментированы гравировкой сценъ изъ боеваго и охотничьяго быта, какъ напримѣръ: изображеніе нагихъ людей, преслѣдующихъ другъ друга съ оружіемъ въ рукахъ, или-же стрѣляющихъ изъ лука въ уходящаго оленя. Найдено также достаточное количество промежуточныхъ образцовъ, свидѣтельствующихъ о постепенно развивающейся отливкѣ и орнаментикѣ.

Укажу, наконецъ, какъ на образецъ высшей ступени искусства, до которой вообще дошли кобанскія издѣлія,—на женскую поясную пряжку, (фиг. VI) изучая которую по многочисленнымъ видамъ ея, явившимся на свѣтъ, благодаря раскопкамъ, мы точно также можемъ видѣть формы грубѣйшія, затѣмъ подобрать формы, которыя свидѣтельствуютъ о постепенномъ совершенствованіи этихъ издѣлій и, наконецъ, передъ нами является образецъ отлитый правильно, довольно

изящно орнаментированный по фону рельефными завитками, въ которыхъ нельзя не видѣть мэандрическихъ линій и, кажется, слѣдуетъ признать уже за стиль греческій. Но дѣйствительно-ли этотъ орнаментъ греческаго происхожденія или только подражаніе ему? Какъ ни заманчивъ утвердительный отвѣтъ, такъ какъ это рѣшеніе, наконецъ, дало бы столь тщательно искомую до сего времени хронологическую исходную точку для опредѣленія эпохи кобанскихъ бронзъ, но пока это предположеніе еще ничѣмъ не подтвердилось. Напротивъ, рядомъ съ нимъ возникаетъ другое, не менѣе вѣроятное, особенно въ виду несомнѣнной оригинальности многихъ другихъ издѣлій, а именно: можно предположить, что этотъ повторяющійся завитокъ, состоящій изъ ряда 6-ти такихъ изображеній и законченный по концамъ, могъ возникнуть самостоятельно.

Мы видимъ на многихъ бронзахъ несомнѣнное стремленіе кобанскаго древняго народца къ заимствованію для орнаментики сюжетовъ изъ окружающей мѣстной фауны. Тоже самое проявлялось и у другихъ древнихъ народовъ, у которыхъ искусство развивалось самостоятельно. Древніе кобанцы отливали изъ бронзы множество фигуръ звѣрей и птицъ мѣстной фауны, сначала безъискусственно и грубо, а потомъ довели постепенно свои издѣлія до фантастическихъ формъ и размѣровъ. Такъ, напримѣръ, на простыхъ формахъ своей орнаментировки они весьма часто наносятъ волны и завитки, принимаемыя изгибами змѣи, и изображаютъ послѣднюю болѣе или менѣе фантастично. Прекрасными образцами завитковъ могли служить и раковины, особенно такъ называемые аммониты, которые иногда выносятся ручьями изъ нѣдръ горъ. Наконецъ, мы видимъ много бронзъ изъ простой проволоки, свернутой въ спирали и завитки, (см. фиг. III), послужившихъ впослѣдствіи прекраснымъ образцомъ для болѣе или менѣе искуснаго начертанія и изображенія такихъ завитковъ.

Если держаться предположенія, что завитки заимствованы у грековъ, то какъ объяснить, что древніе кобанцы ранѣе всего не вынесли отъ нихъ или отъ живущихъ по пути къ нимъ народовъ формъ и видовъ *меча*, столь распространеннаго и общеупотребительнаго у древнихъ народовъ, знавшихъ бронзу? Какъ могли они предпочесть орнаментъ и игнорировать въ тоже время такое полезное и необходимое оружіе?

Сомнѣнія по поводу происхожденія этого и другихъ орнаментовъ и многихъ оригинальныхъ формъ отливки древнихъ кобанцевъ могли-бы быть разрѣшены скорѣе въ пользу самостоятельнаго происхожденія, если-бы удалось открыть слѣды собственной, мѣстной фабрикаціи этихъ разнообразныхъ бронзовыхъ издѣлій. Съ этою цѣлью я, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, производилъ много раскопокъ въ окрестностяхъ упоминаемаго кладбища, а также и въ сосѣднихъ ущельяхъ, какъ въ мѣстахъ удобныхъ для постояннаго пребыванія человѣка. Хотя тамъ и сямъ я откапывалъ весьма ветхій мусоръ съ остатками древней глиняной посуды, обломки бронзъ и костей животныхъ, указывающихъ на пребываніе человѣка въ этихъ мѣстахъ, но не добился еще желанныхъ результатовъ. Мною найдена весьма отчетливая глиняная форма для отливки довольно изящнаго кинжала средней величины, состоящая изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ одна была переломлена; форма эта указываетъ на мѣстную фабрикацію бронзъ. Затѣмъ найдены г. Кануковымъ: 1) глиняная форма для отливки топорика, 2) для мужской длинной булавки, 3) для какой-то фигурки (изломанная), 4) глиняный плавильный тигель.

Къ сожалѣнію, основываться на этихъ немногихъ находкахъ трудно, и нужно предоставить будущимъ открытіямъ рѣшеніе вопроса, была ли фабрикація бронзъ мѣстная, или онѣ доставлялись откуда-нибудь, или же то и другое вмѣстѣ.

Еще одно обстоятельство говоритъ въ пользу самобытнаго развитія искусства у древнихъ кобанцевъ,—это замѣчательный орнаментъ съ изображеніемъ звѣря, встрѣчающійся на нѣкоторыхъ топорикахъ и поясныхъ пряжкахъ. Съ достовѣрностью нельзя сказать, какой это звѣрь. Съ перваго взгляда, туловище, торчащія уши и разинутая пасть напоминаютъ волка, но хвостъ длинный, съ концемъ, загнутымъ въ видѣ небольшаго кольца, въ полуопущенномъ положеніи, что̀ составляетъ отличительный признакъ крупныхъ представителей кошачьей породы (фиг. VI). Ноги этого звѣря оканчиваются на нѣкоторыхъ изображеніяхъ копытами. Можетъ быть, сочетаніе признаковъ различныхъ породъ въ изображеніи вымышленнаго звѣря имѣетъ и символическое значеніе, подобно тому, какъ это представляетъ, напр. сфинксъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не признать его оригинальности. Важно, что такое изображеніе, или подобное ему, не встрѣчалось пока еще нигдѣ.

Орнаментика нѣкоторыхъ женскихъ пряжекъ идетъ еще дальше. На нѣкоторыхъ пряжкахъ мы видимъ слѣды, отчасти сохранившіеся и несомнѣнные, *эмальировки* по такъ называемому способу *champ levé* (см. фиг. VI). Эта эмаль состоитъ собственно изъ стекловиднаго окрашеннаго сплава, размѣщеннаго въ заранѣе отлитыхъ углубленіяхъ фона. Насъ не можетъ удивлять множество и разнообразіе найденныхъ стекляныхъ бусъ, такъ какъ стекло и окраска стеклянныхъ сплавовъ были извѣстны въ глубокой древности. Такъ напр., на памятникѣ древняго Египта временъ II-ой династіи, который Ленорманъ *) считаетъ самымъ древнимъ памятникомъ не только въ Египтѣ, но и въ свѣтѣ, на большой террасовидной пирамидѣ, которую и теперь еще можно видѣть въ Саккарахѣ, была безпримѣрная система орнаментики на косякахъ низкой и узкой входной двери. Дверные косяки

*) Ленорманъ. Руковод. къ древн. исторіи Востока, стр. 28.

были украшены маленькими известковыми камнями, которые перемѣшаны съ *клубами зеленой эмальированной глины*. Дверь эта взята Лепсіусомъ, въ 1845 г., въ Берлинскій музей. Весьма вѣроятно, что эта пирамида была построена для погребенія второго царя этой династіи, *Кевсу* (по Манеѳону Κηχοῦς), о которомъ говорятъ, что онъ учредилъ культъ священныхъ животныхъ. Начало этой династіи восходитъ приблизительно къ 4700 году до Р. Х., а оканчивается 300-ми лѣтъ позже. Вотъ несомнѣнное доказательство того, что стекляные сплавы относятся къ весьма глубокой древности, и поэтому орнаментика въ видѣ эмали *champ levé* на кобанскихъ бронзахъ отнюдь не можетъ быть отнесена къ недавнему изобрѣтенію, занесенному къ древнимъ кобанцамъ въ позднѣйшее время, а вѣрнѣе предположить, что они сами знали ее еще до своего переселенія въ мѣстность нынѣшняго Кобана.

Вотъ что говоритъ г. Вирховъ по этому поводу *): „Если бы мы нашли бронзы съ орнаментикой эмали *champ levé* въ менѣе достовѣрномъ сообществѣ другихъ, несомнѣнно древнихъ бронзъ, то ихъ, вѣроятно, сочли бы весьма недавними. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ примѣръ настолько исключителенъ, что является загадкой. Еще Лабарте **), хотя и относилъ изобрѣтеніе цвѣтной эмали къ Азіи и видѣлъ извѣстную степень развитія этого искусства въ ассирійскихъ городахъ древняго царства еще до Троянской войны, былъ того мнѣнія, что и здѣсь такъ-же, какъ въ Китаѣ, Индіи и Персіи, выдѣлывалась только эмаль *cloisonné*, и что только въ Галліи впервые появилась эмаль *champ levé*. Какъ бы онъ удивился, если бы увидѣлъ кавказскую (кубанскую) поясную пряжку?“

*) Wirchow. D. Graeberf. v. Koban. Berlin 1883, Seite 131.

**) Ibid. S. Labarté. Recherches sur la peinture en email dans l'antiquité et le moyen age. Paris 1856, p. 221.

Далѣе г. Вирховъ также указываетъ на то, что употребленіе цвѣтныхъ стекляныхъ сплавовъ въ Египтѣ восходитъ къ весьма давнему времени, и что эмаль *champ levé* исполнялась съ высокою степенью совершенства: „Мнѣ кажется, говоритъ онъ: весьма произвольнымъ причислять всѣ другія восточныя сплавныя инкрустаціи къ эмали *cloisonné*“. По мнѣнію г. Вирхова, до нашего времени не удалось еще наглядно изобразить ходъ развитія искусства плавленія песку. Далѣе говоритъ онъ въ томъ же сочиненіи: „Стекло и стеклянныя бусы, фарфоръ, изразцы, глазурь и эмаль и по нынѣ съ трудомъ отличаются по своимъ наименованіямъ. Во всякомъ случаѣ раскопки г. Ляйарда дали намъ достаточныя доказательства того, что древніе ассиріяне знакомы были съ производствомъ цвѣтного стекла, эмали и извѣстнаго рода фарфора. Но такъ какъ китайцы уже во 2-мъ тысячелѣтіи до нашей эры *), по Жюльену, выдѣлывали фарфоръ, то мы можемъ полагать, что искусство плавленія песку въ Азіи, въ доисторическое время, было весьма распространено. Между тѣмъ въ Азіи, исключая Кобана, не указано съ полною достовѣрностію другого мѣста, гдѣ бы фабриковалась эмаль *champ levé* въ томъ видѣ, какъ она употреблялась въ позднѣйшее время“. Затѣмъ г. Вирховъ полагаетъ, что кобанская эмаль не изобрѣтена на Кавказѣ. „Химическій анализъ состава этой эмали показалъ, говоритъ онъ: что она сходна до нѣкоторой степени со сплавами ассирійцевъ и египтянъ, и что, вѣроятно, это искусство не изобрѣтено самими кобанцами, хотя и практиковалось у нихъ“.

Остается упомянуть о янтарныхъ бусахъ, числомъ менѣе 10, и о 4—5 крошечныхъ бускахъ изъ золота, найденныхъ въ этомъ кладбищѣ, вмѣстѣ съ древними бронзами.

---

*) Ibid. Julien. Histoire et fabrication d. l. porcell. chinoise. Paris 1856. Ibid. Baron Davillier. Les origines d. l. porcell. en Europe. Paris 1882.

Что касается янтаря, то извѣстно, что древніе финикіяне плавали за нимъ къ прибрежьямъ Балтійскаго моря; стало быть, это незначительное количество бусокъ могло быть завезено къ кобанцамъ въ очень древнее время, или же могло быть принесено ими съ собою при заселеніи Кобана. Это обстоятельство, стало быть, нисколько не противорѣчитъ предположенію о глубокой древности разсматриваемой эпохи.

Золотыя же буски, найденныя мною лично въ одной изъ весьма богато снабженныхъ бронзами женской могилѣ, повреждены и состоятъ изъ очень тонкихъ, полыхъ или дутыхъ и въ тоже время ребристыхъ, воронкообразныхъ тѣлъ. Такъ какъ это единственная въ своемъ родѣ находка, то о ней нельзя пока сказать ничего опредѣленнаго. По мнѣнію г. Вирхова, буски имѣютъ нѣкоторое сходство съ золотыми бусами, находимыми на мѣстѣ Гиссарлика. Г. Вирховъ, однако, признаетъ, что экземпляры изъ Гиссарлика не представляютъ такихъ формъ, т. е. бусъ, хотя и дутыхъ, но безъ бороздокъ или реберъ. Затѣмъ изысканія г. Гостмана *) доказали, что форму такихъ бусокъ можно прослѣдить до глубокой древности.

Если же на ряду съ этимъ вспомнить свидѣтельство Геродота о кавказскомъ народцѣ—массагетахъ, служившихъ въ войскахъ Кира и имѣвшихъ наконечники копій и стрѣлъ изъ золота, вспомнить легенды и преданія о богатствѣ и блескѣ царицы Тамирисы, наконецъ, о древней Колхидѣ и золотомъ рунѣ, вспомнить, что въ древности золото добывалось въ горахъ Кавказа,—то приходится удивляться скорѣе тому, что при раскопкахъ въ доисторическомъ кладбищѣ не обнаружено бо́льшаго количества золотыхъ предметовъ, между тѣмъ какъ они попадаются въ изобиліи въ сосѣднихъ кладбищахъ,

*) Hostmann. D. Urnenfriedhof bei Darzau.

принадлежащихъ несомнѣнно позднѣйшему времени. Въ сущности это отсутствіе золота въ кобанскихъ могилахъ свидѣтельствуетъ скорѣе о глубокой древности ихъ.

Вотъ вкратцѣ почти всѣ свѣдѣнія и данныя, собранныя о кобанскомъ народцѣ и слѣдахъ несомнѣнно-доисторическаго быта его. Что же это за народецъ? Откуда и когда пришелъ онъ въ нынѣшній Кобанъ? Какъ и въ чемъ проявился его племенной бытъ, и куда онъ исчезъ со своими оригинальными бронзами?

Вотъ вопросы, для категорическаго рѣшенія которыхъ, къ сожалѣнію, еще слишкомъ мало данныхъ. Мало того: въ самой оригинальности ископаемыхъ предметовъ, въ ихъ формѣ, орнаментикѣ, въ отсутствіи меча, щита и т. п., столько необъяснимаго, даже загадочнаго, что, мнѣ кажется, еще и рано браться за рѣшеніе этого вопроса.

Изъ сопоставленія вышеприведенныхъ данныхъ, по моему убѣжденію, возможны только нѣкоторыя объясненія и догадки. Излагая ихъ въ отвѣтъ на только что поставленные вопросы, я далекъ отъ мысли придавать имъ рѣшающее значеніе, а желалъ бы лишь возможно ближе подойти къ какому-либо выводу, предоставляя окончательныя разъясненія будущему.

Кто-же были доисторическіе кобанцы?

Судя по мѣстности, избранной ими для жительства—на рубежѣ обширныхъ горныхъ пастбищъ, и по имѣющемуся въ долинѣ почти въ продолженіе всей зимы подножному корму, судя по весьма часто попадающемуся между ихъ бронзами изображенію овецъ, козъ и головокъ этихъ животныхъ,—можно предположить, что это племя было пастушеское. Сомнительно, чтобы кобанцами воздѣлывалась земля, такъ какъ нигдѣ не найдено слѣдовъ земледѣльческихъ орудій; можно съ достовѣрностію утверждать, что кобанцы не владѣли и крупнымъ рогатымъ скотомъ, необходимымъ для паханія, а имѣли

только горныхъ коней, и то въ небольшомъ количествѣ. Послѣднее заключеніе мы выводимъ изъ того обстоятельства, что между бронзами древнихъ кобанцевъ не найдено изображенія быка или коровы, а изображенія коней попадаются весьма рѣдко; также найдено лишь небольшое количество конскихъ удилъ. Далѣе, такъ какъ замкнутость ущелья исключаетъ возможность удобства торговыхъ и иныхъ сношеній, а самое ущелье и природа его не представляютъ какихъ-либо естественныхъ произведеній, пригодныхъ для сбыта,—то и самая жизнь древнихъ кобанцевъ представляется замкнутою и уединенною.

На вопросъ откуда и когда явился этотъ народъ,—отвѣтить гораздо труднѣе, и, мнѣ кажется, нельзя даже совсѣмъ рѣшить его, пока краніологическія изысканія не укажутъ намъ гдѣ-либо сродной расы. Основываясь на мнѣніи г. Вирхова *), не признающаго въ длинноголовыхъ древнихъ кобанцахъ никакого сходства съ сосѣдними расами, возможно только допустить, что племя, выдѣлившее изъ своей среды, горсть людей, заселившихъ Кобанъ, слѣдуетъ искать далеко. Принимая-же во вниманіе ничтожность въ количественномъ отношеніи длинноголоваго типа, похороненнаго въ нижнихъ слояхъ, можно предположить, что онъ представляетъ собой, можетъ быть, остатокъ, оторванный какимъ-либо событіемъ отъ главнаго племени, совершавшаго въ глубокой древности свое переселеніе куда-нибудь на С. или З. Европы. Со временемъ этотъ остатокъ смѣшался съ другими элементами, при дальнѣйшемъ движеніи своемъ, и, можетъ быть, въ наше время уже совсѣмъ утратилъ свой національный типъ. Слишкомъ мало данныхъ и для того, чтобы сказать что-нибудь опредѣленное на вопросъ, когда явился въ Кобанъ древній типъ длинноголоваго человѣка; но все же, кажется мнѣ, не слѣдуетъ пренебрегать фактомъ находки немногихъ янтарныхъ бусъ. Несомнѣн-

*) Nachr. d. Berliner anthropolog. Gesellschaft. Sitzung am 21 July 1883, Seite 339.

но, что янтарь добывался древними финикіянами на берегахъ Балтики, поэтому появиться въ Кобанѣ и другихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ инымъ путемъ, какъ не чрезъ руки финикіянъ, онъ едва-ли могъ. Трудно опредѣлить область распространенія въ древности янтаря; но Кавказское побережье Чернаго моря, можетъ быть и самыя горы, входили въ нее. Первые слѣды сообщенія Балтійскихъ варяговъ съ Византіей чрезъ древнюю Русь сухимъ путемъ относятся ко времени призванія князей; слѣдовательно, этотъ путь къ Балтикѣ сталъ извѣстенъ не болѣе, какъ около 1000 лѣтъ; тогда какъ Геродотъ предполагаетъ *), что древніе египтяне основали въ Колхидѣ колоніи для разработки рудниковъ. Безъ сомнѣнія, флотъ египтянъ составляли финикійскіе моряки, ибо никогда, ни въ какую эпоху, египтяне не были мореплавателями. Замѣчу здѣсь, что изъ Чегема въ нынѣшнюю Сванетію, а, слѣдовательно, и въ древнюю Колхиду, существуетъ чрезъ главный хребетъ удобный лѣтомъ проходъ; поэтому гораздо болѣе вѣроятія допустить, что янтарь завозился туда и въ сосѣднія мѣстности именно этимъ путемъ, и обмѣнивался на руду и другіе предметы. Если допустить это, то, можетъ быть, мы не сдѣлаемъ особенно крупной ошибки, если отнесемъ эпоху существованія древне-кобанскаго народца ко времени развитія береговаго плаванія финикіянъ,—при чемъ, однако, должно сказать, что янтарь могъ попасть въ Кобанъ и нѣсколько позже. На послѣднюю мысль навелъ меня видъ большихъ и многочисленныхъ кусковъ янтаря, добытыхъ мною близъ Чегема, въ горахъ Нальчикскаго округа, Терской области, въ доисторическомъ кладбищѣ. Это безформенные куски, совсѣмъ необдѣланные, а только просверленные для ношенія. Наружный видъ ихъ представляетъ самыя неправильныя, естественныя грани, а поверхность получила шлифовку, вѣроятно, отъ тренія при

*) Ленорманъ. Руковод. къ исторіи др. Востока до персид. войнъ.

ношеніи. Вотъ причина, почему эти куски янтаря, какъ мнѣ кажется, очень древніе, во всякомъ случаѣ древнѣе отшлифованныхъ.

Далѣе, на вопросъ объ историческомъ бытѣ древнихъ кобанцевъ, можно вполнѣ достовѣрно отвѣчать, что они были первыми обитателями этой горной долины, такъ какъ слѣдовъ болѣе древняго пребыванія человѣка въ этой мѣстности не найдено нигдѣ. Постепенное совершенствованіе бронзовыхъ издѣлій кабанцевъ, обиліе и разнообразіе украшеній несомнѣнно указываютъ на нѣкоторую степень благосостоянія племени, что обусловливаетъ въ свою очередь и зачатки культуры оригинальной, самобытной и, повидимому, свободной отъ внѣшняго вліянія, но все же не зашедшей далеко, а едва минувшей первыя ступени младенческаго развитія. Судя по большимъ и толстымъ булавкамъ, фибуламъ, шильямъ, кобанцы носили весьма грубую шерстяную и кожаную одежду; слѣды ткани первой кое-гдѣ замѣчены въ могилахъ нижняго слоя. Изобиліе оружія и нѣкоторыя изображенія на орнаментахъ свидѣтельствуютъ о боевомъ и охотничьемъ бытѣ древнихъ кобанцевъ. Въ обычаѣ погребенія труповъ съ оружіемъ и обильными украшеніями, головой на востокъ, можно предполагать вѣру въ загробную жизнь. Такъ какъ нигдѣ не найдено остатковъ зодчества, то можно полагать, что жилища древнихъ кобанцевъ походили на легкіе деревянные шалаши, вѣроятно, обмазанные глиною, такъ какъ фабрикація глиняной посуды доведена до нѣкоторой степени совершенства выдѣлки и орнаментики, въ чемъ можно видѣть знаніе свойствъ этого матеріала.

Догадки о томъ, какъ и когда исчезъ типъ, указанный выше, очевидно, могутъ вовлечь въ ошибки. Поэтому предоставимъ разъясненіе этого вопроса будущему, въ надеждѣ, что глубокій интересъ, возбужденный въ ученомъ мірѣ къ этому и другимъ слѣдамъ доисторической жизни человѣка, не осла-

бѣетъ, а поведетъ къ дальнѣйшимъ изысканіямъ и къ поднятію таинственной завѣсы, за которою время скрыло прошлое.

Учитель Владикавказскаго реальнаго училища *В. Долбежевъ.*

Владикавказъ.
1885 г.

Извлечено изъ шестого выпуска „Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа".

Типографія Канцеляріи Главноначальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ.

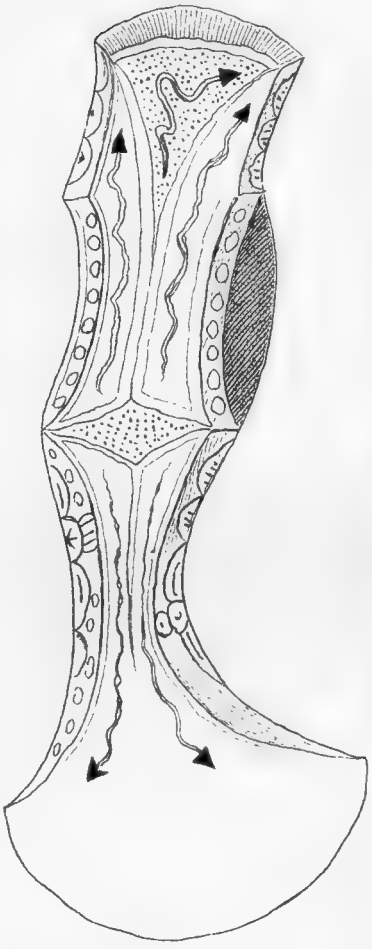
ОРНАМЕНТЫ И ФОРМЫ БРОНЗЪ, НАХОДИМЫХЪ ВЪ ДОИСТОРИЧЕСКОМЪ КЛАДБИЩѢ, БЛИЗЪ

Ст. Долбежева.

Фиг. II.

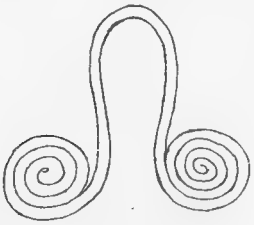
2/3 наст. велич.

2/3 наст. велич.



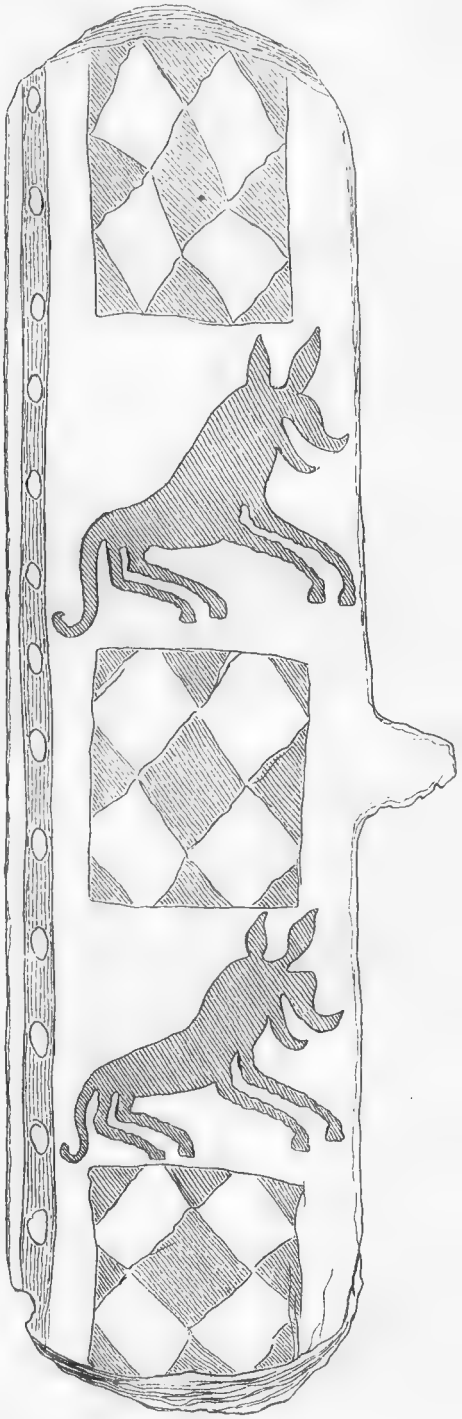
Фиг. III.

Петелька изъ бронзов. проволоки



Фиг. VI.

Эмальиров. пряжка (наст. величина)

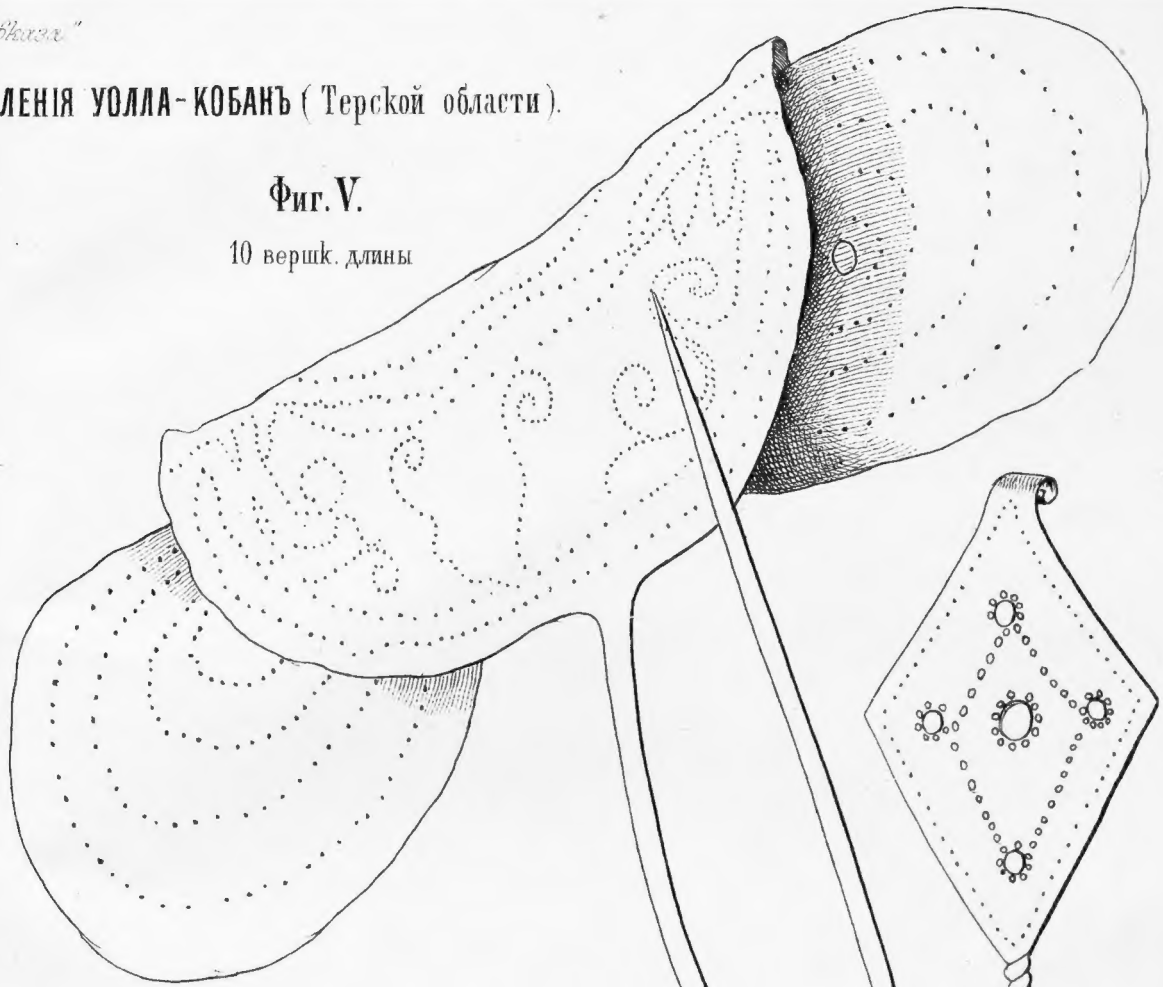


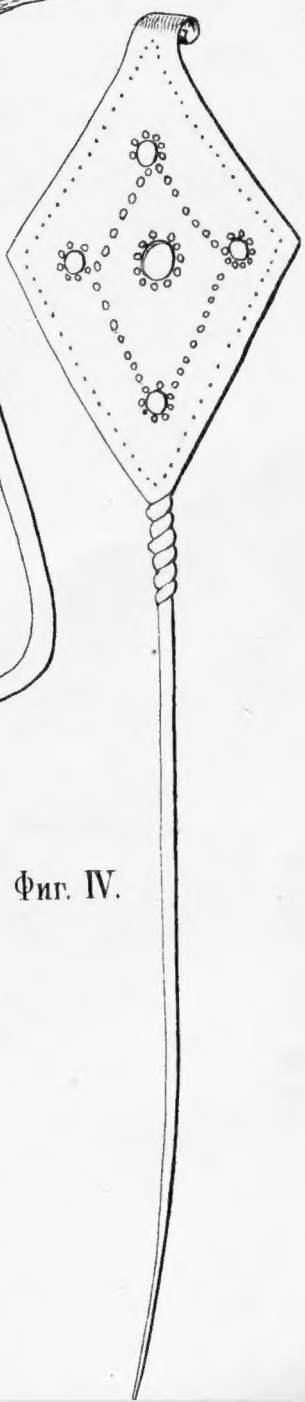
Кавказ.

СЕЛЕНІЯ УОЛЛА-КОБАНЪ (Терской области).

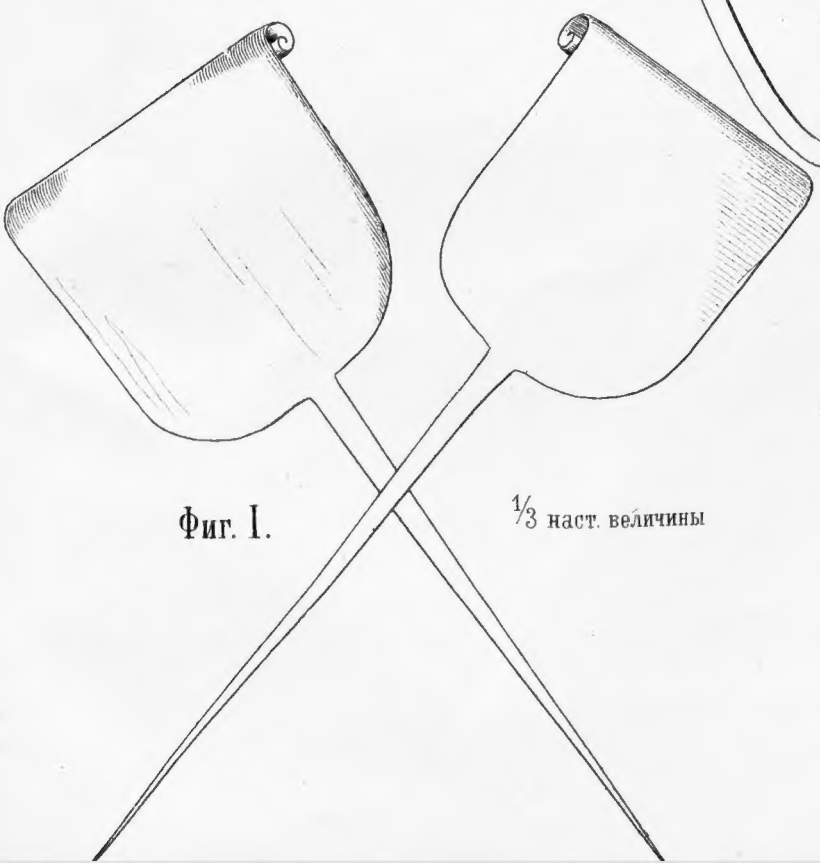
Фиг. V.

10 вершк. длины





Фиг. IV.



Фиг. I.

1/3 наст. величины

Гос. Исторический муз. Б-ка
НКП РСФСР
Инв. № 314651
« » 19 г.